

УДК 008.001

Н.А. Волкович

Философско-антропологические интуиции А.С. Хомякова

Русскую философскую мысль XIX века трудно представить без имени Алексея Степановича Хомякова. Будучи блестящим поэтом, писателем, талантливым художником, лингвистом, механиком, экономистом, он искренне верил в идеал гармонической, духовной личности. Поэтому совершенно естественно, что, стремясь осмыслить закономерности развития человека как личности, в своих философских исследованиях он обращается к области истории и культуры, прослеживает основные процессы формирования народов. При этом следует отметить, что применительно к философским воззрениям А.С. Хомякова многие исследователи упоминают об «интуитивности» его взглядов, говоря об «интуициях», а не о сложившихся концептуальных конструкциях.

Впервые понятие «интуиции», применительно к философским воззрениям А.С. Хомякова, ввел в научный оборот Н.А. Бердяев в своей одноименной книге [1]. Уже в 1940 году, готовя к изданию свою философскую автобиографию, Бердяев отмечал, что интуиции А.С. Хомякова «заинтересовали меня, и я начал готовить о нем книгу. Особенно близка мне была хомяковская идея свободы, как основа христианства и церкви» [2].

А.Ф. Лосев замечает, что во многих философских рассуждениях А.С. Хомякова «чувствуется неопровержимая интуитивная достоверность, которая не может быть опровергнута средствами какой-нибудь науки» [3]. Он полагал,

что такой характер, с одной стороны, «гениально-интуитивный», а с другой «наивно-романтический» носит и учение Хомякова о мессианстве, и его социальная философия.

С.Л. Франк, рассматривая особенности «русского типа» мирозерцания, отмечал, что интуиция является его характернейшей чертой, что систематическое, понятийное познание крупнейшими русскими мыслителями представлялось как нечто второстепенное, а глубочайшие идеи были высказаны в публицистической, литературной форме. Именно таким мыслителем, по мнению С.Л. Франка, был и А.С. Хомяков [4].

Важное замечание делает Н.О. Лосский, полагающий, что понятие «интуиция» у Хомякова тождественно понятию «вера»: «Под словом «вера» Хомяков, очевидно, подразумевает интуицию, то есть способность непосредственного понимания действительной жизненной реальности вещей в себе» [5]. Суть в том, полагает Лосский, что «истина Божия» в гносеологии Хомякова «не укладывается в границах логического постижения», следовательно, возникает необходимость в более высокой форме познания – интуиции. Данный подход во многом разделяется современными исследователями творчества А.С. Хомякова [6].

Таким образом, «интуиции» А.С. Хомякова прямо вытекали из его понимания соотношения религиозной веры и науки в познании, материальных и духовных факторов в целом. Заявляя, что нас душит «ложь систематизма и ничтожность мертвой формальности в науке и жизни» [7], А.С. Хомяков полагал, что спасение мыслящего человека как раз и заключается в вере (интуиции), которая предопределяет и образ мыслей человека, и образ его действий. «Отвлеченные вопросы веры почти всеми считаются менее интересными и менее важными, чем практические вопросы... Таково общее мнение, и я тому не удивляюсь, хотя считаю его одним из самых ошибочных и ложных» [8], – не уставал повторять русский мыслитель. Это мнение ложно не только с философской точки зрения, – ибо вопросы веры касаются истин вечных, но и с точки зрения социально-исторической, подчеркивает А.С. Хомяков. Поскольку «вера составляет предел его (человека – Н.В.) внутреннему развитию. Из ее круга он уже выйти не может, потому что вера есть высшая точка всех его помыслов, тайное условие его желаний и действий, крайняя черта его знаний. В ней его будущность личная и общественная, в ней окончательный вывод всей полноты его существования разумного и всемирного» [9].

Таким образом, вера в контексте концепции А.С. Хомякова – не просто один из важнейших элементов культуры. Вера – базисное понятие всей методологической конструкции мыслителя, определяющее самые разнообразные области функционирования социума.

Причем, понятие «вера» в представлениях Хомякова гораздо шире, чем понятие «религия»: оно становится концентрированным выражением искомого «духа жизни» «верующего» народа: ибо «неверующих» народов, по представлению философа, нет, и даже атеизм («нигилизм») рассматривается в данном случае как один из видов вероисповедания («измененный пантеизм»). Именно «вера», считает А.С. Хомяков, определяла историческую судьбу конкретного народа, формировала «меру просвещения, характер просвещения и источники его» [9, с.30]. Одностихийные «первобытные народы» начинали свое бытие с первоначальной верой, которая оказывалась своеобразным выражением относительно неизменной народной психологии. Все дальнейшее ее развитие и даже перемена религии совершается под влиянием этого «первоначала».

«Христианство,— пишет Хомяков,— при всей его чистоте, при его возвышенности над всякою человеческою личностью, принимает разные виды у

славянина, у романца или тевтона» [9, с.31]. Так происходит потому, что «индивидуальность» первоначальных верований разных народов накладывает отпечаток на воспринятую позднее совершенную религию. Следовательно, и религия не может быть рассмотрена только в ее официальной интерпретации. Совокупность народных верований и убеждений часто не отражается ни в «памятниках словесных», ни в «памятниках каменных» и может быть понята «единственно по взгляду на всю жизнь народа, на полное его историческое развитие», интуитивно. Именно это, предельно широкое понятие, Хомяков раскрывает в своих богословских трудах.

Рассуждая о православии, католичестве, протестантизме, магометанстве, буддизме, конфуцианстве и т.д., Хомяков, неизменно отталкивается от «веры» как явления многозначного, поскольку:

– Во-первых, *«чистой» веры* (как и народа в его «первобытном» виде) *не существует*; следовательно, религия может явиться выражением «духа жизни» народа лишь условно и приниматься как некая абстракция, имеющая видоизменения, наслоения, снимающиеся лишь при «живознании» (то есть, как уже указывалось выше, при специфическом, интуитивном постижении истины, противоположном знанию рассудочному).

– Во-вторых, *вера многопланова по своей форме*. Она имеет свой «официальный» аспект, который достаточно отделен от аспекта «народного»: «Большая часть религий есть не что иное, как мнение, прикрывающееся верою». Между тем «характер божества более или менее согласуется с характером народа, который ему поклоняется», — следовательно, не только вера создает народ, но и народ создает веру, причем, именно такую, которая соответствует творческим возможностям его духа.

– В-третьих, *существование веры одновременно в ее «официальном» и в ее «народном» вариантах приводит к характерному противоречию*. В то время как вероучение с развитием истории «получает одностороннее развитие отвлеченности», в народе формируется «самое грубое поклонение» вещественным атрибутам религии. «Высшие в обществе умы доходят малопомалу до поклонения мысли, знанию, бытию безусловному и неопределенному, наконец, до самоуничтожения мысли, до нигилизма; а в то же время народ доходит по другой лестнице до фетишизма».

Такая многозначность понятия «веры», своеобразные «ножницы» в духовной истории народа, становятся отражением собственно социальных противоречий: «высшие» и «низшие» в народе отходят от искомой «духовности» по разным «лестницам». Поэтому, *основой своей положительной программы развития человечества философ определяет поиски путей воссоздания духовности при осознании изначальной «сущности» каждого народа, которая может быть определена только при уяснении законов и факторов развития исконной народной веры*.

А.С. Хомяков обращается к истокам формирования народов и приходит к выводу, что существуют три возможных пути первоначального «разделения человечества»: «по племенам»; «по государствам»; «по верам». Причем наиболее значимым, по мнению Хомякова, оказывается последний. Но для того, чтобы понять веру народа во всех ее аспектах, необходимо изучение первичного этапа «народознания»: «племени», «физиологии» данного народа.

Анализируя первоначальные движения различных племен, Хомяков приходит к выводу: «Каждый народ имел свою исключительную страсть...», то есть был одностихиен. При этом, рассматривая «исключительную страсть» древних народов, Хомяков выделяет две антиномичные стихии, определявшие облик первоначального существования людей на Земле: «народы завоевательные»; «народы земледельческие». В дальнейшем своем развитии, эта

антиномия осложнилась множеством вариантов. Но развитие человечества Хомяков мыслит как своеобразную реализацию драматического конфликта двух противоположных духовных «начал»: свободы («народы завоевательные») и необходимости («народы земледельческие»).

Сравнивая религии и культуры народов, А.С. Хомяков выстраивает стройную систему их зависимости и формулирует закон, суть которого заключается в приоритете «категории воли», а именно, свободы и необходимости над иными, второстепенными религиозными, социальными факторами. Ибо «свобода и необходимость составляют то тайное начало, около которого в разных образах сосредотачиваются все мысли человека» [10]. При этом «свобода выражается творением, а необходимость рождением» [10, с.217]. Или иначе, свобода – воля, необходимость – неволя.

Исходя из этого, философ проводит типологию религий. Так первый тип религии А.С. Хомяков определяет как «иранство», второй как «кушитство». «Иранство» поклоняется свободно творящему духу (свобода, воля), в то время как «кушитство» признает силу логических, неизбежных законов (необходимость, неволя). В свою очередь и «кушитство» распадается на две линии: шиваизм – «поклонение царствующему веществу», «факт всеобщей жизненности»; буддаизм – «поклонение рабствующему духу», «отрицание, возведенное до религиозного значения», «служение небытию».

Именно «кушитство», считает философ, приводит к идее стройности, гармонии с миром и строгой формальности логического устройства в обществе и государстве, к законам, распространяющимся на все сферы умственной, семейной и политической жизни общества. Это создает особую форму материального быта и неизменное стремление к положительным выгодам гражданина. «Кушитский» тип религии оставил нам все грандиозные материальные творения древности: храмы, пирамиды, каналы, водохранилища и др. «Кушизм» неизменно создавал и совершенствовал социально-экономическую основу государственности, возвеличивал общественную жизнь нации. Вместе с тем, «кушизм» угнетал всякий свободный порыв, выхолащивал форму, обеднял поэзию и убивал воображение, что неизменно отражалось в особой форме миропонимания того или иного этноса и появлении религии, связанной с необходимостью, и, прежде всего, необходимостью вещественной или логической. Что, в свою очередь, ведет к абсолютизации ложных истин и поклонению ложным богам.

Отсюда становится понятным ход дальнейших умозаключений Хомякова: учение о необходимости, положенное в основу «кушитского начала», преобладает в философских системах Запада, проникнутых скептицизмом, рационализмом и догматизмом. Но та же ситуация проявляется и в других регионах – философ пишет о «духовной нищете Китая», вырастающей из угнетения свободного порыва, склонности к традиционализму, приоритета общественных начал над личными. Китайский народ – талантливый и умный народ, отмечает Хомяков, однако «дух его закован и добра нравственного нет». Таким образом, философия и религия «кушизма» заключается в неразрешенном противоречии: между рабством и свободой, практическим действием и добром («ибо действие увлекает в мир необходимости, а свобода не проявляясь, остается в области небытия»).

«Иранство», напротив, основывалось на внутреннем осознании свободы как «нравственном благе», «высокой цели всякого бытия». Но такая личностная свобода противоречит государственности и организованности вообще. Поэтому «иранский» тип религии в чистом виде не мог стать основой какого-либо государства, а мог оставить потомкам только продукты творческой индивидуальности, не скованные «упрямым почтением к преданиям», которые

присутствуют в свободных от государственности древних культурах евреев, индейцев, славян и др.

В таком случае, в чем смысл, а следовательно, и характер «иранства»? В сжатом виде данная формула в понимании Хомякова имеет следующий вид: *человек был сотворен свободным, мир тогда был выражением чистой божественной мысли. Злоупотребление человеческой свободой «создало новый мир глубокого вещества и вещественной необходимости. Освобождение человека есть возврат его к чистой разумной свободе. Вот характер иранства, враждебного змее и чувственности»* [10, с.227].

Таким образом, духовное развитие человечества предстает как многовариантная борьба «иранства» и «кушитства». При этом антиномия «иранство» – «кушитство» вовсе не строится Хомяковым по однолинейному принципу: «хорошее» – «плохое». Как точно заметил В. Соловьев, Хомяков (в отличие от Н. Данилевского) признает «солидарность всего человечества». Еще Фридрих Шлегель разделял человечество на две генетически враждебные расы: каинитов (выразителей плотской воли) и сефитов (представителей божественной воли), устанавливая пределы для контактов между ними. Хомяков представил антиномию «плотского» и «духовного» в виде динамичной взаимно обусловленной конструкции. В основе «иранства» – провозглашение свободы веры, бытующей «внутри» каждого человека. В основе «кушитских» верований — поклонение «религиозному материализму» и «фетишам» веры: молитва воспринимается как данное свыше «заклинание», обряд как «колдовство» и т.д. Отсюда символ веры в стихии «иранства» – божество в виде свободно творящей личности. «Кушитство» противопоставляет этому символу свободы стихию необходимости, где основным символом становится Змея (связываемая с плодородием, землей и водой, женской или мужской производящей силой, временем, мудростью и т.п.). Соответственно этому «кушитство» особенно ярко проявляется в «материальных» искусствах – живописи и зодчестве: «иранство» же – в литературе и музыке. Другими словами, стихия «кушитства» – анализ и рационализм; «иранство» склоняется к синтетическому, нерасчлененному приятию мира. Поэтому «кушитство», основанное на необходимости (и, соответственно, несвободе), рождает условную общность людей – государство. «Иранство» провозглашает естественный союз, свободную цивилизацию людей, – и потому редко оформляется в сильные государственные образования. Отсюда – «иранские» цивилизации слабы и неустойчивы, «кушитские» – сильны и менее подвержены внешним воздействиям. Вместе с тем, оба типа национальной психологии оказываются одинаково естественными в общественном сознании и социальной жизни разных народов.

Закономерно, что и «кушитство», и «иранство» имеют свои сильные и слабые стороны. Поэтому в чистом виде существовать не могут. А.С. Хомяков считает, что «обе противоположные религии, сливаясь мало-помалу, изменялись взаимными уступками и теряли свою резкую физиономию. Органическая полярность казалась неудовлетворительною и недостойною разума человеческого. Мифический ее символ, рождение, годный для младенствующего ума, был вытеснен из верования просвещенного. С другой стороны, смелый догмат творения, основанный на коренной идее свободы, не мог удержаться при синкретизме; свобода не имеет проявления, ибо закон проявленного есть необходимость» [9, с.252].

Так, между грубо-вещественным «кушитским» началом и самостоятельной духовностью «иранства», была изобретена средняя система, система ЭМАНАЦИЙ, которую А.С. Хомяков определяет как «рождение со скрытой полярностью». В ней было безусловное торжество «кушитского» начала, но с оду-

хотворяющей силой «иранства». Примером окончательного слияния двух типов религии стала, по мнению А.С. Хомякова, Эллада. Именно здесь проявились лучшие черты «кушитства» и «иранства»: служение красоте и величие политической деятельности. Это гармоничное слияние стало бесспорной основой культурного процветания эллинского народа. Оно же должно быть фундаментом культурных трансформационных процессов любого этноса в истории человечества.

Так тезис о противоборстве «кушитского и иранского начал» приобретает характер методологического постулата. *А.С. Хомяков приходит к пониманию механизмов порождения специфических для этноса черт культуры, последовательно исследует индивидуальность психологического склада различных этносов, начиная с их географического расположения, самоназвания народа, языка, наличия антропологических признаков, и завершая эту цепочку всей системой духовного строя.*

Н. Бердяев назвал антиномию «иранство» — «кушитство» «самой замечательной, наиболее приближающейся к гениальности, идеей Хомякова». И это не случайно, поскольку она исключительно полно раскрывает суть основного постулата и онтологии, и гносеологии А.С. Хомякова: *религия, вера лежат в основе человеческого бытия и не только характеризуют собственно человеческую сущность, но и дают возможность его адекватного понимания.*

Можно констатировать, что в мировоззрении А.С. Хомякова переплелись идеи богословские и философские, рациональные и иррациональные. И вместе с тем, это целостная концепция, отталкивающаяся от идей «целостности в человеке». Об этом достаточно убедительно говорил в своем классическом труде В.В. Зеньковский [11]. Человек, в понимании Хомякова, вершина творения, поэтому в целом, по своему характеру его философия *антропоцентрична*. Однако необходимо, на наш взгляд, сделать одно существенное уточнение: «целостность человека» постулирует в ходе своего самораскрытия или развития системы иерархических ценностей, не некий абстрактный космический миропорядок, а идею *народности*. Хомяков в этой связи замечал, что «лицо всегда находится в связи со своим народом и вне этой связи бесплодно. Такова тайна исторической судьбы, еще не вполне разгаданная, но несомненная в своем проявлении. Общечеловеческое дело разделено не по лицам, а по народам...» [9, с.270]. Опора на такие понятия, как «народность», «народ» является одной из характерных черт антропологии и в целом философии Хомякова. Вообще говоря, по его мнению, в познании возможно только «живое человеческое общение», заключенное в идее народности. Хомяков по этому поводу заметил: «Многообразна жизнь человека в народе; она свою долю общечеловеческого достояния, ею схваченную и выраженную в слове и быте, складывает в стройное живое и сочлененное целое; и человек, принимая в себя всю эту жизнь, кладет стройную и сочлененную основу своему собственному пониманию...» [9, с.267].

Как не сложно заметить, личная «целостность» взаимно увязывается с «целостью» общественной, народной, а проблемы рационального познания сопрягаются с концепцией понимания. При этом термин «понимание» в философских «интуициях» А.С. Хомякова носит далеко не второстепенный характер. Русский мыслитель отмечал, что смысл деятельности человека в целом заключается в понимании, а потому «истинная цель воспитания умственного есть именно развитие и укрепление понимания» [9, с.226]. А поскольку народность по своей сущности теистична, в ней превалируют, прежде всего, религиозные начала, то понимание народа возможно, по терминологии А.С. Хомякова, исключительно посредством «законов синкретизма». Суть данных «законов» проясняется в следующем: главное божество народа есть

то, которое призвано «самобытною мыслию народа», «остаток его первоначальных верований». Поэтому, в результате войн, завоеваний и последующего «смятения» племен, в алтаре той или иной церкви могут появиться новые боги, но они никогда не займут приоритетное место. Смысл этого правила – в *самотождественности народа, невозможности изменить любыми последующими влияниями его лицо, призвание, смысл его исторической деятельности*.

Так философско-антропологические интуиции Хомякова, имея в своей основе, безусловно, антропоцентричные категории, гармонично сливаются с религиозными гносеологическими принципами и порождают специфическую форму понимания культуры – АНТРОПОТЕИЗМ. Представленную идею русский философ понимает как *возрождение мира, совершенного Богом, совместно с человеком, который так же выразил божественную идею гуманности*. При этом человек – ограниченное существо, наделенное рациональной волей и нравственной свободой. Эта свобода означает свободу выбора между любовью к Богу и себялюбием. Другими словами, между праведностью и грехом. Такой выбор определяет окончательное отношение ограниченного разума к его вечной первопричине – Богу. Антропотеизм концепции А.С. Хомякова означает, что личность, человек не могут раскрыть свои возможности, свой потенциал вне Церкви, а идея Церкви как надмирового объединяющего начала может реализоваться только и исключительно через личность человека. Таким образом, теизм антропологии прослеживается у А.С. Хомякова и в его идее соборности, и в социальной философии, и в концептуальных построениях всеобщей и отечественной историографии. Вместе с тем очевидно, что рассматривая диалектику личного (индивидуального) и общественного (народного) в системе антропологии, А.С. Хомяков всегда отдавал предпочтение последней. Отсюда – важный аспект данной проблемы: осознание того, что же есть *народ и общество*. Хомяков замечает, что нравственное достоинство человека выявляется только в обществе, однако «общество есть не то собрание людей, которое нас случайно окружает, но то, с которым мы живем заодно» [9, с.85].

Таким образом, философская антропология А.С. Хомякова взаимно увязывается с нравственной проблематикой, с этикой. Хомяков постоянно возвращался к умозрительной схеме, согласно которой *фундаментом общества является личность, а последняя опирается исключительно на нравственность в своем существовании и исходит из нравственности как методологического принципа. Источник же нравственности общеизвестен – христианство и жизнь народа*. Поэтому чрезвычайно важно, по мнению А.С. Хомякова, и то, что истинным предметом познания является не индивидуум и даже не отдельные страны и народы, а «жизнь всего человечества». Аргументация данного тезиса, опять же, восходит к идее соборности: общее всегда превалирует над частным, вера имеет несомненный приоритет перед знанием в силу своего высшего, духовного, источника, история каждого отдельного человека и народа достойна внимания и изучения лишь во взаимосвязи с началом объединяющим, общим, консолидирующим.

Представленные размышления А.С. Хомякова позволяют сделать некоторые выводы:

– характерной чертой философского постижения мира А.С. Хомяковым является «интуитивность», при этом, «интуитивный» характер философско-антропологических воззрений мыслителя вовсе не означает их «условность» или «приблизительность»;

– духовное развитие человечества представляется мыслителю как многовариантная борьба двух типов религии: «иранства» и «кушитства», причем,

оба типа одинаково естественны и имеют свои сильные и слабые стороны;

– тезис о противоборстве «иранского» и «кушитского» начал приобретает в философии Хомякова характер методологического постулата, поскольку подталкивает к осмыслению ситуации сосуществования, диалога культур, приводит к пониманию механизмов, порождающих специфические черты этноса и человеческого бытия;

– антропология А.С. Хомякова носит теистический характер: учение о церкви выступает как некое универсальное начало – способ и тип человеческого общения с миром и себе подобными, целостность, генотип социального опыта;

– философско-антропологические интуиции лежат в основе целого ряда основополагающих идей философа, в числе которых его нравственные, этические поиски, диалектика личностно-общественных отношений, взаимосвязи и взаимопроникновения личного и религиозного «начал», исследование уникальности и многообразия различного типа культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бердяев Н.А.** Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 16, 71.
2. **Бердяев Н.А.** Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 160.
3. **Лосев А.Ф.** Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 227.
4. **Франк С.А.** Духовные основы общества. М., 1992. С. 61.
5. **Лосский Н.О.** История русской философии. М., 1991. С. 32-33.
6. **Шапошников Л.Б.** Философские портреты. Н.Новгород, 1993. С. 23-25.
7. **Хомяков А.С.** О старом и новом. М., 1988. С. 397.
8. **Хомяков А.С.** Сочинения богословские. СПб., 1995. С. 316.
9. **Хомяков А.С.** Полн. собр. соч. М., 1900, т.5. С. 8.
10. **Хомяков А.С.** Полн. собр. соч. М., 1900, т.1. С. 188.
11. **Зеньковский В.В.** История русской философии. Л., 1991, т.1, ч.1. С. 204-205.

S U M M A R Y

The article is developed to the main concept of a Khomiakov's philosophical and anthropological theory – "Iranizm" and "Khushism" and their applications to outstanding of multiculturalism of Eastern Civilizations. Philosophical-anthropological intuitions of Khomiakov the basis of variety of main ideas of philosopher, in the number of his ethical quests, dialectics public relations, intercoupling of personal and religious "begin", study different type of cultures. Anthropology of Khomiakov carries theistic nature: teaching on church emerges as certain universal beginning - way and type of human contact with world and itself like, wholeness, genotype of social experience.